

И. А. Умнова-Конюхова*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 1993 ГОДА: ОЦЕНКА КОНСТИТУЦИОННОГО ИДЕАЛА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИРОВОГО ОПЫТА

Аннотация. По итогам 25-летнего действия Конституции РФ 1993 г. оценивается адекватность закреплённой в ней либерально-демократической идеи, формулируемых конституционных целей и ценностей потребностям современного развития Российской Федерации. Сопоставляются закреплённый в Конституции РФ «конституционный идеал» и реальность. Оценка дается сквозь призму мирового опыта конституционного развития. Отмечается, что ценность и авторитет конституции подвергаются эрозии под воздействием многочисленных объективных и субъективных факторов, вследствие влияния которых существует значительный разрыв между закреплённым в конституции идеалом и реальностью, а сам идеал подвергается сомнению.

Последовательно рассматриваются тенденции: 1) формирования конституционной аксиологии, гуманизации и социализации конституций, расширения конституционной нравственности; 2) появления новых доктрин конституционного идеала, основанных на конституционном компромиссе в условиях кризиса либерально-демократической и других действующих доктрин конституции; 3) возникновения феномена глобального конституционализма, меняющего пространственные пределы конституции, усиливающего международное вмешательство в конституционный дизайн и формирующего универсальные конституционные стандарты.

На примере Российской Федерации определяются позитивные и негативные последствия трансформации государственного строя советского социалистического типа в конституционный строй либерально-демократического типа.

В контексте оптимизации конституционного дизайна, зависящего от уровня публичности конституционных процедур, рассматривается проблема легитимности Конституции РФ 1993 г. Предлагается считать нецелесообразным дальнейшее обсуждение проблем легитимности действующей Конституции РФ. В противном случае подвергается сомнению легитимность всей системы законодательства Российской Федерации, принятого на ее основе. Важно также учитывать применение форм и процедур гражданского согласия при принятии Конституции РФ, что выразилось в работе Конституционного Собрания, подписании Договора об общественном согласии и проведении всенародного референдума. Оценивая перспективы конституционного развития, автор считает, что в условиях современных угроз и вызовов человечеству существует объективная потребность пересмотра отдельных конституционных и иных правовых стандартов, определяемых в национальном праве и международном праве. Такое направление конституционного регулирования и конституционных исследований автор предлагает называть конституционной футуристикой, а доктрину, формирующую конституционный идеал будущего, — конституционным футуризмом. Выявление конституционного идеала базируется на исследовании уровня реализации действующей конституции, который, как представ-

© Умнова-Конюхова И. А., 2018

* Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука
iaumnova@mail.ru
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушинская, д. 69

ляется, измеряется тремя основными показателями: конституционной конгруэнтностью, эффективностью и объективностью конституционных положений. Главная задача конституционной футуристики состоит в том, чтобы на основе оценки уровня реализации действующей конституции выявить потенциал конституционного развития, направленного на улучшение конституционного строя. Содержание этого потенциала в современный период должно быть связано, как представляется, с поиском принципиально новых стандартов жизни, выводящих на качественно иной уровень развития человеческой цивилизации. Такой подход предопределяет новое структурирование конституций и соответственно отрасли конституционного права, итогом чего станет преобразование конституционного права выживания в высший его тип — конституционное право жизни, основанное на конституционном идеале.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, современные конституции, конституционные цели и ценности, конституционный идеал, конституционная аксиология, конституционная нравственность, гуманизация и социализация конституций, либерально-демократическая доктрина Конституции РФ, доктрины конституционного компромисса, конституционный дизайн, конституционные процедуры, легитимность конституций, легитимность Конституции РФ, глобальный конституционализм, новые конституционные стандарты, конституционная футуристика, конституционный футуризм, конституционная конгруэнтность, конституционная эффективность, конституционная объективность, подотрасли конституционного права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039

1. О тенденциях формирования конституционной аксиологии и расширения конституционной нравственности

Конституционное закрепление ключевых целей и ценностей, обеспечение которых составляет сущность конституционного идеала, стало общемировой конституционной традицией и сформировало новое направление исследований — конституционную аксиологию¹. Среди ключевых целей и ценностей называются как широко применяемые конституционно-правовые понятия и принципы (свобода, права человека, демократия, равноправие, гражданский мир, безопасность, суверенная государственность, правосудие, верховенство права, государственное единство, разделение властей, парламентаризм и др.), так и социально-нравственные категории, гуманитарный смысл ко-

торых конституционализируется благодаря их включению в текст конституции (счастье, любовь, добро, справедливость, солидарность, уважение, преданность, верность, общая судьба, единство народа, согласие, долг и др.). Многие из данных оценочных по своей природе понятий приобретают содержание в процессе конституционного судебного толкования².

Не является исключением и Конституция Российской Федерации 1993 г., в преамбуле которой используются такие конституционно-нравственные формулировки, как «соединенные общей судьбой на своей земле», «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и спра-

¹ См., например: Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7—14; Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3; Пресняков М. В. Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 6—9; Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 4; Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 6; Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма; Инфра-М, 2013. С. 312—313.

² Garlicki L. «Constitutional Values» and the Strasbourg Court // Acta Societatis Martensis. 2009/2010. P. 13.

ведливость», «стремясь обеспечить благополучие и процветание России», «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» и др. Нравственность как конституционная категория закреплена в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в качестве конституционной ценности, в целях защиты которой федеральным законом могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина.

Тенденция расширения конституционной нравственности тесно переплетается с гуманизацией и социализацией современных конституций. Диалектика развития объектов конституционного регулирования свидетельствует об эволюции в сторону системного регулирования отношений в цепочке трех ключевых объектов: государство — общество — человек. При этом все более пристальное внимание уделяется тем субъектам права, ради которых, в сущности, это право и создается: человеку, народу, населению, будущим поколениям. В современных конституциях³ расширилось представление о таких ценностях, как жизнь (признание ее с момента зачатия плода в утробе матери, запрет смертной казни); физическое здоровье (проведение связи здоровья с благоприятной окружающей средой, здоровой едой, чистой водой, запреты клонирования, генномодифицированной продукции); справедливость (регулирование различных видов справедливости в нормах материального и процессуального права); безопасность, мир и развитие (конституционное закрепление права на мир, безопасность и развитие) и др. Современное конституционное регулирование уже не может отказаться от социальных обязательств не только по внутренним конституционным мотивам (власть в интересах народа и от имени народа, человек — высшая ценность и т.п.), но и по причине взятия на себя международно-правовых обязательств по признанию, соблюдению и защите прав человека — личных, социальных, экономических, духовно-культурных.

Соединение правовых норм и норм нравственности в тексте конституции свидетельствует об особой ценности и исключительно высоком авторитете данного акта в системе нормативных правовых актов государства. Морализация конституционного идеала предопределяет высокие требования к содержанию

конституции. Однако в реальности диалектика конституционного развития обнаруживает, что конституционный идеал и реальность имеют существенную дистанцию.

Ценность и авторитет конституции подвергаются эрозии под воздействием многочисленных объективных и субъективных факторов, вследствие влияния которых, во-первых, существует значительный разрыв между закрепленным в конституции идеалом и реальностью. Во-вторых, в соответствии с реалиями возникли учения, доказывающие отсутствие идеала в текстах самих конституций, страдающих существенными недостатками по причине защиты ими «несправедливого», «несовершенного», «тоталитарного», «авторитарного» государственного и общественного строя. В частности, марксистско-ленинское учение обосновало, что либерально-демократический строй, учрежденный в конституциях буржуазных государств, отражает интересы лишь правящего класса, порождает несправедливость и эксплуатацию трудящихся масс, а нерегулируемый государством рынок влечет за собой разрушительные экономические кризисы. Попытки в социалистических конституциях гарантировать идеалы равенства, справедливости и гуманизма также потерпели неудачу, ибо в них нарушался баланс свободы, демократии и ответственности, отрицались такие принципы конституционализма, как разделение властей, местное самоуправление, парламентаризм, политическое и идеологическое многообразие, в них не содержались необходимые гарантии, обеспечивающие права людей на личную свободу и неприкосновенность, осуществлялось централизованное государственное регулирование экономических отношений, не допускающее даже отдельных элементов рыночных отношений и частной собственности.

В современных государствах по-прежнему сохраняется разрыв между конституционным идеалом и реальностью. Об этом свидетельствует кризис либерально-демократической концепции свободы и равноправия в западном мире; ограниченность режима прав и свобод в исламских конституциях; трудности становления новых конституционных строев, заменивших социалистический строй в странах постсоветского пространства и Восточной Европы; неспособность новых конституций в государ-

³ Например, Конституции Швейцарии 1999 г., Мьянмы 2008 г., Киргизии 2010 г., Венгрии 2011 г., Египта 2012 г., Непала 2015 г. и др.

ствах Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки облагородить негуманный и недемократичный порядок, устранить в стране хаос, обеспечить мир, безопасность и устойчивое развитие.

2. Оценка либерально-демократической доктрины Конституции Российской Федерации 1993 г.

В начале 1990-х гг., в период поиска лучшего идеала для новой российской Конституции, отечественные эксперты были озадачены выбором объединяющей национальной идеи, которая могла бы быть положена в основу главного нормативного правового акта страны. Среди выдвигаемых идей заметно конкурировали между собой пять основных доктрин: либерально-демократическая, консервативная (монархическая), патриотически-державная (соборность — державность — народность), православно-клерикальная (единство церкви и государства), коммунистическая (социалистическая). В итоге победила либерально-демократическая доктрина. В статье 1 и последующих статьях Конституции Российской Федерации 1993 г. сформулированы принципы правового, демократического, социального, светского государства с республиканской формой правления, рыночной экономикой, гарантиями политического и идеологического плюрализма.

Трансформация государственного строя советского социалистического типа в конституционный строй либерально-демократического типа⁴ обусловила следующие конституционные преобразования и тенденции правового развития.

1. Проведена деидеологизация конституционно-правового пространства. Отменены монополия коммунистической идеологии, закреплены принципы идеологического многообразия, политического плюрализма и многопартийности.
2. Обозначена гуманизация государственно-правовых институтов. Права и свободы человека объявлены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью российского государства (ст. 2 Конституции РФ).
3. В основу конституционного строя положена новая концепция взаимоотношений го-

сударства, общества и человека. Приоритет государства и партийной идеологии, общественных интересов над личными, характерные для советского государственного права, заменяются признанием паритета государственных и общественных, и личных интересов, взаимной ответственности государства и человека.

4. Зафиксирован переход к рыночным отношениям в экономике, основанной на признании и защите равным образом всех форм собственности (частной, государственной, муниципальной и иных), свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, на поддержке конкуренции и свободы экономической деятельности (ч. 1 и 2 ст. 8 Конституции РФ).
5. Закреплен принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10, 11 Конституции РФ), заменивший монополию однопартийной власти и принцип всевластия Советов.
6. Учреждена новая избирательная система, построенная на принципе альтернативности при выдвижении кандидатов, состязательности выборов и активном участии различных партий в избирательном процессе.
7. Проведена существенная реорганизация федеративного устройства России, сочетающего принципы государственной целостности и единства государственной власти, с одной стороны, и конституционно-договорного разграничения предметов ведения и полномочий, равноправия субъектов РФ — с другой.
8. Учрежден институт конституционного правосудия в лице Конституционного Суда РФ. Субъектам РФ предложено создать свои конституционные, уставные суды.
9. Российское государство взяло на себя обязательства по признанию и гарантированию местного самоуправления. Особый институциональный характер местного самоуправления подчеркнут в ст. 12 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.
10. Созданы конституционные предпосылки для интеграции российского права с международным правовым пространством⁵

⁴ См.: Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право Российской Федерации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры : в 2 т. М. : Юрайт, 2015. Т. 1. С. 104.

⁵ См.: Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 106.

(ч. 4 ст. 15 ст. 17, ч. 3 ст. 46, ст. 79 Конституции РФ): общепризнанные принципы и нормы международного права определены частью российской правовой системы, обозначен приоритет международного договора над законом, закреплен принцип прямого действия основных прав и свобод, общепризнанных в международном праве, закреплена возможность каждого в соответствии с международными договорами обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Радикальность новой Конституции РФ состояла в том, что российское государство, к сожалению, отказалось от всех без исключения элементов прошлого социалистического строя, в том числе от устоявшихся традиций социалистической демократии и общенародного государства, сближающих народ с государством. К ним можно было бы отнести следующие основные достижения: 1) развитая общенародная демократия (общенародное обсуждение важных вопросов общественной и государственной жизни, наказания и отзвѣв депутатов, общественный контроль, народные дружины, товарищеский суд, народные заседатели и др.); 2) ответственность государства за социальное развитие и социальную справедливость (фонды общественного потребления, гарантирующие бесплатное образование всех уровней, медицинское обслуживание всех видов, бесплатное жилье для населения); 3) государственное регулирование экономики, стратегическое долгосрочное планирование и программирование, направленные на равномерное развитие отраслей народного хозяйства, защиту экономического суверенитета государства; 4) регулирование заработной платы, обеспечивающее социальную справедливость; 5) гарантирование права на труд, в том числе путем планирования трудовых ресурсов, формирования сети техникумов и ПТУ, действия системы распределения выпускников по предлагаемым им рабочим местам и др.

Новый либерально-демократический идеал Конституции РФ уже в самом начале его реализации выявил немало проблем адаптации правового сознания и менталитета граждан и населения к конституционным переменам, которые вернули к таким отрицаемым ранее социалистическим обществом категориям, как богатые, бедные и нищие, бездомные, беспри-

зорные, безработные и др. Декриминализация права привела к тенденциям деморализации общества (в частности, снятие уголовного наказания за такие виды антисоциального поведения, как наркомания, мужеложество, проституция и пр.).

В первые годы нового постконституционного развития возникло противостояние между федеральной законодательной властью, с одной стороны, и Президентом РФ и Правительством РФ, с другой стороны, что выразилось в немалом количестве запросов в Конституционный Суд РФ, направленных на уяснение конституционных процедур взаимодействия российского парламента, главы российского государства и российского правительства. Аналогичные процессы наблюдались между органами законодательной (представительной) и исполнительной государственной власти субъектов Российской Федерации. Постепенно в России сформировалась модель сильного Президента РФ, доминирования в политической системе партии власти, что в определенной мере вернуло к прежним дореволюционным и социалистическим традициям концентрации власти в руках главы государства и его ближайшего окружения.

Ликвидировав партийный контроль и партийную кадровую политику в государственном строительстве, государство не заменило его полноценной системой поддержки талантливых кадров и борьбы с коррупцией в системе государственной власти. Отказ от принципа демократического централизма и внедрение элементов федеративного устройства и местного самоуправления не обеспечили в ожидаемой мере системность и эффективность государственного управления, значительно снизился элемент ответственности власти. Развитие федеративных отношений пошло не по пути реализации модели децентрализованного кооперативного федерализма (ст. 71—73 Конституции РФ), а в векторе формирования централизованного федерализма, основанного на делегировании и деконцентрации власти на правилах, определяемых сверху.

Внедрение в ткань отечественной экономики рыночных отношений в условиях отказа от системного регулирования экономики, процессов приватизации и распределения прибыли государством привело к концентрации капитала в рамках ограниченного круга лиц, постепенному слиянию капитала и государственной власти. Нерегулируемый рынок вверг Россию в миро-

вой цикл экономических кризисов, сделал ее уязвимой в банковской и финансовой сферах, зависимой от мировой экономики, создаваемой транснациональными корпорациями.

В условиях глобализации угроз и вызовов национальной безопасности, общественному порядку, правам и свободам человека в лице международного терроризма и экстремизма, угрозы применения сценариев «цветных революций», нарастания разрушительных последствий экономических кризисов, нового витка гонки вооружений и пр. в XXI столетии по инициативе главы российского государства был взят курс на укрепление государственной целостности и безопасности, усиление роли федерального центра и исполнительной власти в управлении делами государства и общества. На фоне этих процессов весьма противоречиво стало развиваться законодательство, регулирующее формы непосредственной демократии. Принцип народовластия, провозглашенный в ст. 3 Конституции РФ, был существенно ограничен по содержанию федеральными законами о выборах и референдуме. Ключевые вопросы государственной и общественной жизни были вычеркнуты из перечня предмета референдума.

Таким образом, с одной стороны, в Российской Федерации, как и в других государствах, обнаружился разрыв между конституционным идеалом и реальностью; с другой стороны, выявилось очевидное несоответствие между формально-юридическим идеалом и тем конституционным идеалом, который должен быть на самом деле. Попытки Конституционного Суда РФ приспособить Конституцию РФ к политической конъюнктуре, в том числе снять определенные противоречия, нивелировать конституционные коллизии, восполнить пробелы и «дописать» смысл Конституции РФ, лишь в незначительной мере имеют успех в части приближения государства и общества к конституционному идеалу. В большинстве случаев предлагаемые пути конституционной интерпретации выглядят косметическими мерами и не позволяют затронуть глубинные проблемы конституционного развития. В частности, в решениях, касающихся защиты конституционных прав и свобод, Конституционный Суд РФ нередко прибегает к применению принципов достоинства, справедливости (социальной справедливости), равноправия и недискриминации, однако итоговые выводы направлены лишь на устранение определенных несоответствий в несовершенной по своей сущности системе рас-

пределения ресурсов, благ и ответственности, порождающей существование таких слоев населения, как малоимущие, безработные, бездомные, проживающие в аварийных домах, в зонах экологического бедствия и пр.

3. В поисках новых доктрин конституционного идеала. Путь конституционного компромисса

Выбрав идеал либерально-демократического строя, Россия столкнулась как с общими цивилизационными проблемами развития в рамках такой парадигмы, так и с собственными проблемами отечественной приспособляемости к данному идеалу.

В условиях устойчивого кризиса конституции, не воспринимаемой в должной мере в широких политических и социальных слоях в качестве акта самого высокого юридического авторитета, научная мысль занялась поиском новой парадигмы конституционализма и конституционного идеала. Перед научной мыслью встала задача определения такой идеологии конституционного строя, которая была бы способна гармонизировать формальную и реальную конституции, найти такой конституционный идеал, который примирял бы всех действующих субъектов политики, все ветви и уровни государственной власти, социальные слои общества и населения.

Дискуссии по поводу идеальной, формально-юридической и реальной конституции породили, как известно, различные научные школы. В прошлом столетии по отношению к приверженности форме права обозначилось деление ученых на позитивистов (формально-юридический подход) и реалистов (социологический подход). С точки зрения идеологии конституции споры развернулись между сторонниками либерально-демократической концепции конституционализма, конституционно-монархической (консервативной) теории конституции и социалистической доктриной конституции, основанной на марксистско-ленинском учении. Крайности во взглядах не несли в себе заряд конструктивизма, поэтому неизбежно стали возникать промежуточные учения, выдвигаться смешанные концепции, доктрины так называемого конституционного компромисса.

XXI столетие также отличается интенсивным поиском новых парадигм конституционного развития, и предложения об альтернативном типе конституционного развития основываются именно на смешанных моделях, гибридных формах, сочетающих элементы различных стро-

ев (капиталистического и социалистического, патриархально-клерикального и демократически-светского и т.д.). К примеру, профессор Центра социально-правовых исследований Оксфордского университета Рэндэл Пиренбум, размышляя о будущем конституционализме на примере Китая, пишет, что Китай никогда не был полностью привержен ни марксистско-ленинскому режиму, ни либеральной демократии. В то же время Китай оказался чрезвычайно успешным в достижении экономического роста, улучшении жизненных условий, поддержании социалистической стабильности по сравнению с большинством развивающихся стран, получивших довольно угнетающие результаты реформ. Р. Пиренбум уверен, что исследователи на примере Китая должны переосмыслить концепции конституционализма и либеральной демократии. Он допускает возможность партийно-государственной альтернативы либеральному демократическому конституционализму и полагает, что лучше придерживаться реальности в нелиберальном, недемократическом обществе, не марксистско-ленинской стране с социальной рыночной экономикой и социалистическим правовым государством, хотя и с руководящей ролью партии⁶.

Путь конституционного компромисса различных идеологий, конвергенции либерально-демократической, социалистической и иных доктрин конституционного строя в единстве с учетом особенностей и традиций развития конкретной страны видится главным условием формирования конституционного идеала, находящегося в непрерывной диалектике сближения с потребностями общества и реальностью. При этом поиск конституционного идеала должен основываться как на анализе различных типов конституций, так и внимательном изучении этапов конституционного развития.

4. Конституционные процедуры и легитимность Конституции Российской Федерации в конституционном дизайне

В современной науке конституционного права появились исследования, которые увязывают успех конституции с совершенствованием кон-

ституционного дизайна на основе выявления и распространения лучшего конституционного опыта, совершенствования процедур конституционного законотворчества⁷.

В частности, профессора школы права Чикагского и Кембриджского университетов Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург считают, что каждый случай конституционного дизайна должен иметь дело с определенными базовыми вопросами организации данного процесса и процедуры: кто должен быть вовлечен в конституционный дизайн, когда это вовлечение имеет место, как должны вести себя участники процесса на стадиях написания, дебатов и одобрения текста⁸. Важным, по мнению Ж. Бланта, З. Элкинса и Т. Гинсбурга, является активное взаимодействие между собой участников конституционного процесса на различных его стадиях, именно они формируют в конечном итоге матрицу конституционного дизайна. В качестве примера игнорирования условия взаимодействия приводится Конституция Афганистана 2004 г., которая писалась соответствующей комиссией в обстановке секретности с участием иностранных советников и была представлена в аппарат Президента Афганистана перед непосредственным проведением чтений и ее принятия Конституционной ассамблеей. Этим объясняется, по мнению ученых, ее низкий авторитет и неэффективность.

Как и многие другие современные конституционалисты, Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург отмечают, что вовлечение общественности и населения в конституционный процесс является в последнее время предметом все большего внимания ученых, властей, международных организаций. Такая оценка предопределена необходимостью достижения максимально возможного уровня легитимности. Ученые обращают внимание на бессистемные и слабые формы общественного участия в конституционном процессе⁹.

В Российской Федерации, несмотря на 25-летний срок действия Конституции РФ, сохраняет остроту вопрос о признании ее легитимности именно с точки зрения случившегося в реальности конституционного процесса.

⁶ *Peerenboom R. Social Foundations of China's Living Constitution // Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. P. 162—163.*

⁷ *Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013.*

⁸ *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T. Does the Process of Constitution-Making Matter? // Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. P. 31—65.*

⁹ *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T. Op. cit.*

В определенных отечественных и зарубежных научных кругах, в программных воззрениях отдельных политических движений и партий этот вопрос остается предметом оживленной дискуссии. Причиной тому является неоднозначная оценка острого политического кризиса, разразившегося накануне принятия Конституции РФ 1993 г. С одной стороны, Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ были объявлены Президентом РФ Б. Н. Ельциным нелегитимными, с другой стороны, оппозиция, представляющая высшую законодательную власть страны, не признала президентский проект Конституции РФ, противопоставленный ранее разработанному проекту Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РФ. В качестве средства разрешения противостояния Президент РФ, как известно, по своей инициативе определил всероссийский референдум по проекту новой Конституции РФ¹⁰.

Конституция РФ, представленная Президентом РФ, получила поддержку менее трети населения. В соответствии с результатами референдума, опубликованными Центральной избирательной комиссией РФ, более 40 % избирателей, участвовавших в голосовании, не одобрили новую Конституцию РФ и более 40 % не приняли участие в референдуме. При этом население 9 республик и 10 областей высказалось против новой Конституции России. Такие результаты голосования в условиях острого противостояния политических сил в российском обществе и дали почву для сомнений в отношении легитимности Конституции РФ 1993 г.¹¹

Думается, что дискуссии вокруг легитимности Конституции РФ 1993 г. могут быть сохранены только лишь для анализа исторической заданности аргументов каждой из сторон, а также для учета уроков прошлого с целью предотвратить в будущем использование неправовых механизмов разрешения политических конфликтов¹². Нельзя игнорировать тот факт, что до принятия Конституции РФ на референдуме была осуществлена процедура конституционного примирения: 5 июня 1993 г. было созвано Конституционное совещание — конференция представителей органов государственной власти, местного самоуправления и общественных

организаций, созданная Президентом РФ для завершения подготовки альтернативного проекта новой Конституции РФ (так называемый президентский проект), который, однако, вообрал в себя некоторые положения из проекта, разработанного ранее Конституционной комиссией Съезда народных депутатов. В состав Конституционного совещания входили представители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, политических партий, профсоюзных и иных общественных объединений, массовых движений и религиозных конфессий, товаропроизводителей и предпринимателей. В октябре — ноябре 1993 г. «президентский» проект Конституции РФ прошел окончательную доработку в укрупненных органах Конституционного совещания: Общественной и Государственной палатах, а также в Комиссии конституционного арбитража Конституционного совещания. Результатом работы Конституционного совещания стало внесение нескольких сотен поправок в первоначальный «президентский» проект Конституции РФ.

В целях усиления легитимности новой российской Конституции, как известно, была использована также процедура достижения гражданского согласия через подписание специального договора. Проект такого договора, опубликованный в начале апреля 1994 г., содержал обращение Президента России Б. Н. Ельцина¹³ с призывом к примирению. 28 апреля 1994 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был подписан Договор об общественном согласии¹⁴, по сути представляющий собой обязательство высших должностных лиц и организаций, вовлеченных в политическую борьбу, решать разногласия в рамках Конституции РФ 1993 г., воздерживаясь в будущем от насильственных методов. 5 мая 1994 г. во Владимирском зале Кремля состоялась торжественная церемония присоединения к Договору наиболее крупных и влиятельных организаций промышленников, предпринимателей и банков. Договор подписали также руководители законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ,

¹⁰ См. более подробно об этом: Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 258.

¹¹ Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 258.

¹² Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 259.

¹³ Российская газета. 1994. 7 апр.

¹⁴ Известия. 1994. 30 апр.

лидеры большинства партий и общественных объединений, духовные руководители российских конфессий, представители предпринимательских кругов, предприятий и хозяйственных организаций, спортивных, благотворительных и других общественных объединений. В целом под Договором было поставлено около 800 подписей¹⁵.

Хотя не все политические партии и общественные движения поставили свои подписи под Договором¹⁶, разногласия касались скорее содержания отдельных положений Договора, нежели самой идеи согласия вокруг новой Конституции РФ¹⁷. С целью стабилизации жизни в России даже «неподписанты» были готовы идти на компромисс с действующей властью и принятой Конституцией РФ. В разделе 1 подписанного Договора, посвященного вопросам достижения политической стабильности в обществе, было записано следующее положение: «Участники Договора исходят из того, что политическая жизнь общества должна развиваться в рамках Конституции Российской Федерации». Таким образом, через акцию подписания Договора Конституция РФ 1993 г. была фактически одобрена значительной частью государственных, политических и общественных деятелей страны.

В сложившихся в России условиях согласования и принятия Конституции РФ 1993 г., а также в связи с длительным периодом ее действия в настоящее время едва ли целесообразно про-

должать обсуждение проблем легитимности действующей Конституции РФ. В противном случае будет инициирован вопрос о нелегитимности всей системы законодательства Российской Федерации, принятой на ее основе¹⁸. Принимая во внимание длительность действия Конституции РФ 1993 г., важно также иметь в виду, что во время конфликта вокруг обсуждения и принятия новой Конституции РФ именно использование референдума явилось средством стабилизации и преодоления политического кризиса. Была предпринята попытка учреждения главного нормативного правового акта страны путем народной воли, и хотя эта попытка оказалась не столь представительной с точки зрения количественных показателей, она тем не менее была реализована как таковая¹⁹.

5. Глобальный конституционализм и формирование новых конституционных стандартов в контексте конституционной футуристики. Конституционный футуризм как новая доктрина развития

В современную эпоху в поиск конституционного идеала все более вовлекается международное сообщество. Это связано не только с доктриной международной конституции (идеи Европейской конституции и «международной конституции ООН», включающей Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и Международные пакты о правах 1966 г.). Речь идет также о международном

¹⁵ Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 259—260.

¹⁶ Так, Коммунистическая партия РФ высказала свое негативное отношение к этому документу на общероссийской конференции КП РФ, состоявшейся 23—24 апреля 1994 г. в Звенигороде (см.: *Александрова Л.* Почему коммунисты не хотят подписывать Договор // *Российская газета.* 1994. 27 апреля). Из руководителей субъектов РФ Договор не подписали председатель областного Законодательного собрания Владимирской области Н. Е. Виноградов и председатель Законодательного собрания Кемеровской области А. М. Тулеев. С замечаниями подписали Договор руководители профсоюзов медиков, Российского профсоюза металлистов, Российского профсоюза водителей и работников городского транспорта, а также ряд лидеров субъектов РФ — Президент Татарстана М. Ш. Шаймиев и Председатель Верховного Совета Татарстана Ф. Х. Мухаметшин, Президент Северной Осетии А. Х. Галазов и Председатель Верховного Совета Северной Осетии Ю. Г. Бирагов, председатель Думы Читинской области В. Е. Вишняков (см.: *Справка об итогах подписания Договора об общественном согласии от 28 апреля 1994 года* // *Российская газета.* 1994. 29 апреля).

¹⁷ Так, замечания руководителей Республики Татарстан касались в основном учета в Договоре ранее заключенных соглашений, а также представленных ранее официальных поправок к проекту Договора. Руководство Северной Осетии возражало против включения в Договор положения о создании механизмов реализации Закона о реабилитации репрессированных народов. Замечания лидеров профсоюзов сводились в основном к возражениям против включения в текст Договора упоминания о Генеральном соглашении на 1994 г.

¹⁸ Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 260—261.

¹⁹ Умнова (Конюхова) И. А. Указ. соч. С. 259.

вмешательстве в конституционный процесс отдельных стран, который обеспечивает не только учет опыта других стран, но и включение в тексты конституций отдельных положений международного права. Как правило, в таких случаях конституция служит средством стабилизации ситуации в тех странах, где ведется война, произошел переворот, случилась революция, имеет место гуманитарная катастрофа и т.п. Создание конституционного законопроекта в таком государстве происходит в формате переговоров и примиренческих процедур, в которые вовлекаются ООН и другие международные организации, сотрудничающие со странами-посредниками. Ярким примером результата международного конституционного законотворчества является Конституция Боснии и Герцеговины. В настоящее время с участием международного сообщества при ключевой роли Российской Федерации создается Конституция Сирии.

Конституционное развитие государств в современную эпоху выразилось не только в традиционных формах принятия новых конституций, обновления действующих путем внесения поправок или пересмотра. Формирование и развитие конституционной судебной юрисдикции, направленной на защиту конституционных положений и их толкование высшими судами, породило интенсивную практику конституционного развития путем судебной практики не только в странах общего права, но и в государствах других правовых семей, включая романо-германскую правовую семью. Существенно расширились пределы конституционного регулирования по содержанию. В итоге появились концепции экономической,

социальной, экологической, духовно-культурной конституций²⁰. О конституционном развитии заговорили в контексте глобального конституционализма, то есть признания международного конституционного пространства, интегрирующего и одновременно конкурирующего с конституциями государств²¹.

Наиболее ярко конституционализация международных правовых отношений выразилась в праве Европейского Союза, особенно в идее Европейской конституции, воплощенной в Лиссабонском договоре. Как отметил профессор публичного права Университета Эдинбурга Нейл Уокер, супернаднациональная Европа никогда не требовала коллективной идентичности, присущей международным организациям глобального значения (ООН, ВТО и др.), или спасения от разнообразных правовых и институциональных режимов (защита от индивидуализма отдельных государств), а стремилась путем переговоров достичь тесных и комплексных отношений, отражающих региональную специфику²².

Феномен глобализации конституционализма и формирования устойчивого понятия «международная конституция» вызвал широкий круг разнообразных дискуссий — начиная от допустимости такой трактовки и заканчивая конкретными проблемами национального и государственного суверенитетов, правового государства, прав и свобод человека, федерализма²³. Среди исследователей обнаружили носители разных, в том числе противоположных, взглядов: глобальные конституционалисты и традиционалисты (локалисты)²⁴. Если сторонники первого течения в качестве главного условия развития конституции и роста ее авто-

²⁰ См., в частности, подробнее: Умнова И. А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 18—26.

²¹ См., например: European constitutionalism beyond the state / J. H. H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003 ; Transnational constitutionalism / N. Tsagourias (ed). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007 ; Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009 ; The Twilight of Constitutionalism? / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford University Press, 2010 ; The worlds of European constitutionalism / ed. by G. de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012 ; Taming Globalization: International law, The U.S. Constitution, and the New World Order.— Oxford University, 2012 ; Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013.

²² Walker N. The place of European law // The worlds of European constitutionalism. P. 75—93.

²³ См., в частности: The Twilight of Constitutionalism?

²⁴ The Twilight of Constitutionalism? ; The worlds of European constitutionalism ; Kumm M., Lang A. F. jr., Tully J., Wiener A. How large is the world of global constitutionalism? // Global Constitutionalism. Cambridge, 2014. Vol. 3. № 1. P. 1—8.

ритета рассматривают универсализацию конституционных норм, то есть их стандартизацию на международно-правовом уровне, то традиционалисты, наоборот, именно в глобализации права увидели угрозу конституциям и выступили за приверженность национальным традициям, за защиту национальной самобытности при определении конституционного идеала. Как и в других крайних спорах, в этой дискуссии возникли промежуточные учения, пытающиеся примирить глобалистов и традиционалистов²⁵, которые видятся более конструктивными и адекватными реалиям современного конституционного развития. Компромиссный подход к пониманию конституционализма позволяет определить границы глобализации и в то же время не настаивать исключительно на национальной доктрине конституционализма.

Таким образом, теоретические исследования тенденций и пределов конституционного развития находятся сегодня в фокусе пристального внимания современных ученых-конституционалистов и практиков. Расширение конституционного пространства внутри государств, повышение роли судебных и иных непарламентских практик конституционного развития, внешняя экспансия конституций государств, сопровождаемая формированием международной конституции в соответствии с доктриной глобального конституционализма — эти тенденции должны быть изучены в контексте не только поиска компромиссных теорий, но и определения смысла конституционного регулирования, адекватного потребностям конституционной защиты приоритетных ценностей и целей развития, формирующих конституционный идеал, свидетельствующий о расширении гуманизации и социализации конституций.

Уже сегодня, однако, становится очевидным, что перспективы конституционного развития в условиях современных угроз и вызовов человечеству обуславливают потребность в пересмотре отдельных конституционных и иных правовых стандартов, определяемых в национальном и международном праве. Такое направление конституционного регулирования и, соответственно, конституционных исследований можно было бы назвать конституционной футуристикой, а доктрину, формирующую

конституционный идеал будущего, — конституционным футуризмом.

Конституционная футуристика, как представляется, связана с поиском формально-определенного конституционного идеала, отражающего потребности функционирования и развития конституционного строя, сбалансированно выражающего интересы государства, общества и отдельно взятого человека. Выявление такого идеала базируется на исследовании уровня реализации действующей конституции, который полагаю целесообразным измерять с помощью трех основных показателей: конституционной конгруэнтности, конституционной эффективности и объективности конституционных положений.

Конституционная конгруэнтность как критерий оценки позволяет выявить адекватность содержания конституции ее форме, а также установить согласованность конституционных положений между собой.

Конституционная эффективность показывает степень фактической реализованности конституционных положений, то есть демонстрирует авторитет и результативность конституции. В таком измерении выявляется, насколько успешно происходит воплощение в жизнь формальной конституции с помощью потенциально возможных форм их реализации: через использование, соблюдение, исполнение, применение конституционных положений, а также путем их конкретизации и толкования.

Конституционная объективность как третий основной показатель уровня реализации конституции служит определению степени отражения конституционными положениями потребностей регулирования, то есть учета объективной реальности, запроса общества, государства и людей на определенный конституционный строй, сбалансировано отражающий их интересы. Конституционная объективность связана также с необходимостью запуска с помощью конституции новых импульсов для развития, сохранения и умножения ценностей, определяющих конституционный идеал настоящего и будущего.

Любая конституция, создаваемая людьми, не имеет абсолютного совершенства. В ней обнаруживаются конституционные дефекты, в частно-

²⁵ Loughlin M. What is Constitutionalisation? // *The Twilight of Constitutionalism?* P. 52—73 ; Kumm M., Lang A. F. jr., Tully J., Wiener A. Op. cit. ; Kumm M. The best of time and the worst of time: between constitutional triumphalism and nostalgia // *The Twilight of Constitutionalism?* P. 207—219 ; Halberstam D. Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world // *The worlds of European constitutionalism.* P. 150—202.

сти коллизии, противоречия, неопределенности и пробелы. Эти недостатки в дальнейшем устраняются либо путем внесения конституционных поправок и изменений либо через осуществление конкретизации и толкования конституционных положений. Не является исключением и Конституция Российской Федерации, которая имеет ряд коллизий и несогласованностей. К примеру, в контексте регулирования конституционных основ федеративного устройства Российской Федерации обнаруживаются противоречия между целым рядом конституционных положений. Речь идет, к примеру, о коллизии между п. «в» ст. 71 и п. «б» ч. 1 ст. 72, в соответствии с которыми «защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств» отнесены одновременно к предмету ведения Федерации и к предмету совместного ведения Федерации и субъектов РФ. Имеет место также противоречие между ч. 3 ст. 11 и ст. 76 Конституции РФ. Согласно ст. 11 разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. В то же время регулирование по предметам совместного ведения Российской Федерации, предполагающее в том числе разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти по вертикали, осуществляется, в соответствии со ст. 76 Конституции РФ, законами и иными нормативными правовыми актами. Договоры как правовая форма не упоминаются в данной статье. Существуют противоречия и между иными конституционными положениями, с одной стороны, закрепляющими принцип равноправия субъектов РФ, а с другой — устанавливающими особенности статуса республик и автономных образований.

Конституционные коллизии наблюдаются также и в конституционном регулировании других институтов конституционного права. К примеру, согласно ч. 2 ст. 7 Конституции РФ в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Между тем в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ закреплено, что «материнство и детство, семья находятся под защитой госу-

дарства». Институт отцовства в данном случае не упоминается, что выглядит по меньшей мере пробелом.

Приведенные примеры свидетельствуют о проблемах конгруэнтности положений Конституции РФ. Коллизии и противоречия в российской практике устраняются сегодня преимущественно не конституционными поправками, а путем мотивировочной интерпретации и толкования конституционных положений Конституционным Судом РФ. К примеру, именно Конституционный Суд РФ определил своим постановлением от 9 января 1998 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации, что федеральный закон (а не договор. — *Прим. автора*) как нормативный правовой акт общего действия, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, определяет права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти.

Как уже отмечалось выше, вопросы эффективности конституции связаны с анализом степени реализации конституционных положений. В Российской Федерации Конституция имеет прямое действие и применяется на всей территории России (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Прямое действие и применение Конституции РФ обеспечивается развитием форм ее реализации. Для Российской Федерации в целом характерна тенденция расширения практики реализации Конституции путем ее прямого действия и прямого применения конституционных положений. В этой связи в современный период растет число исследований, посвященных проблемам реализации и применения Конституции РФ, констатируется тенденция активного применения конституционных принципов и норм российскими судами и другими правоприменительными органами²⁶. Несмотря на актуальность этого направления исследований, думается, что акценты научных изысканий должны постепенно смещаться в сторону более глубокого анализа других показателей конституционного пространства. Полагаю, что отечественная наука конституционного права должна сегодня, во-первых, обратить особое внимание на такой показатель реализации Конституции РФ, как ее объективность, а во-вторых, заняться фундаментальной разработкой доктринальных перспектив конституционного развития.

²⁶ Более подробно об этом см.: Умнова И. А., Алешкова И. А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики. М. : РГУП, 2015. 184 с.

Оценка объективности Конституции РФ в значительной мере связана, полагаю, с выявлением адекватности принципов российского конституционализма, сформулированных на основе идеи либеральной демократии, тем реальным условиям, которые сложились в современном российском обществе и государстве. Кризис режима либеральной демократии во всем мире коснулся и Российской Федерации. Это проявляется в том, что принципы народовластия, демократии, свободы, разделения властей и справедливости в Российской Федерации конкурируют с системами сильного главы государства и единоначалия; дальнейшим укрупнением частного капитала и формированием олигархического монополизма в экономике; слиянием государственной власти с капиталом; значительным разрывом между доходами трудящихся; низкими социальными стандартами и пр. Существующие в реальности отношения требуют выдвижения обновленной конституционной парадигмы. На сегодня этой парадигмой мог бы стать путь конституционного компромисса различных идеологий, конвергенции либерально-демократической, социалистической и иных доктрин конституционного строя в единстве с учетом особенностей и традиций развития Российской Федерации.

Выбор обновленной парадигмы потребует существенных конституционных изменений. В этом контексте важно понимать, что усиление объективности конституции путем повышения степени учета состояния и потребностей развития реальных отношений предопределено формально-юридической возможностью дальнейшего совершенствования конституционных положений, устранения недостатков конституционного регулирования. К сожалению, Конституция РФ 1993 г. является трудноизменяемой, то есть негибкой. В ней не предусмотрена возможность изменения положений гл. 1, 2 и 9 иначе, как путем принятия новой Конституции РФ. Именно жесткость российской Конституции является, по-видимому, одной из причин высокой активности Конституционного Суда РФ в толковании конституционных норм и интерпретационном развитии их содержания на основе формулы «исходя из конституционного смысла».

Реализация требований конституционной объективности выводит на доктринальные пер-

спективы конституционного развития, которые напрямую связаны с выявлением главной задачи конституционной футуристики. Это задача, как представляется, состоит в том, чтобы на основе оценки уровня реализации действующей конституции выявить потенциал конституционного развития, направленного на улучшение конституционного строя. Содержание этого потенциала в современный период должно быть связано, как видится, с поиском принципиально новых стандартов жизни, выводящих на качественно иной уровень развития человеческой цивилизации. В частности, в контексте новых концепций выживания и общей (солидарной) ответственности международная общественность и государства должны пересмотреть определенные стандарты человеческого потребления, которые нацелены на паразитическое истребление среды обитания и уничтожение самого человека²⁷. Один из примеров — право каждого на непрерывное улучшение условий жизни (ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). Его реализация без установления разумных границ потребления, пределов использования ресурсов влечет к «съеманию» человечеством земли, ее ресурсов и самого себя. Для преодоления этой проблемы целесообразен пересмотр пределов дозволенного, и в частности введение в правовой тезаурус нового термина «паразитическое потребление» как вида антиправового, антисоциального поведения и образа жизнедеятельности²⁸.

Формирование новых конституционных и, соответственно, иных правовых стандартов права справедливости станет одним из действенных механизмов ликвидации высокого уровня неравенства, соблюдения принципов ограничения богатства и недопустимости бедности. В будущих конституционных стандартах качества жизни должна быть полноценно заложена фундаментальная идея экологии человека.

В контексте развития отношений между государством, с одной стороны, и обществом, социальными группами и человеком — с другой, ключевое значение имеет, как представляется, повышение ответственности государственной и других видов публичной власти за решение задач в интересах людей, населения и народов.

²⁷ См.: Умнова И. А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях // Омбудсмен. 2012. № 2. С. 7.

²⁸ Умнова И. А. Современные концепции прав человека ... С. 7.

Современные режимы демократии, недостаточно наполненные механизмами защиты от злоупотребления властью и правом, не могут в ожидаемой мере справиться с коррупцией и иными пороками власти. Наконец, конституционное регулирование будущего — это правовая база, обеспечивающая эффективное противодействие глобализации и диверсификации угроз и вызовов человечеству, эффективный ответ на системные проблемы цивилизационного развития.

Если попытаться структурировать конституцию нового поколения, то можно утверждать, что формируемый ею конституционный идеал призван обозначить прочные основы следующих подсистем конституционного строя и соответственно подотраслей конституционного права нового типа: 1) государственное право как право демократии и ответственности государственной власти; 2) публично-политическое право как право народной общественной власти

и народного самоуправления; 3) экономическое конституционное право как право гражданского общества, экономической справедливости и антикризисное право; 4) социальное конституционное право как право социальной справедливости, социальной ответственности и социального развития; 5) экологическое конституционное право как право благоприятной окружающей среды, фундаментальных экологических прав и свобод, конституционных гарантий экологии человека; 6) духовно-культурное конституционное право как право конституционной нравственности и конституционных принципов облагораживания (нобилизации) человеческих отношений. Формирование обозначенных выше подотраслей (подсистем) конституционного права и есть, как представляется, путь преобразования сложившегося на сегодня конституционного права выживания в высший его тип — в конституционное право жизни, основанное на конституционном идеале.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александрова Л.* Почему коммунисты не хотят подписывать Договор // Российская газета. — 1994. — 27 апр.
2. *Белкин А. А.* Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики. — СПб. : Петрополис, 1995. — 142 с.
3. *Бондарь Н. С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 4—13.
4. *Гаджиев Г. А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. — М. : Норма; Инфра-М, 2013. — 320 с.
5. *Зорькин В. Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. — 2008. — № 12. — С. 3—14.
6. *Крусс В. И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 2. — С. 7—14.
7. *Пресняков М. В.* Конституционная концепция принципа справедливости. — М. : Пресс, 2009. — 397 с.
8. *Пресняков М. В.* Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 16. — С. 6—12.
9. *Таева Н. Е.* Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 5. — С. 2—4.
10. *Умнова (Конюхова) И. А.* Конституционное право Российской Федерации : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры : в 2 т. — М. : Юрайт, 2015. — Т. 1. — 391 с.
11. *Умнова И. А.* О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. — 2014. — № 11. — С. 18—26.
12. *Умнова И. А.* Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях // Омбудсмен. — 2012. — № 2. — С. 7—11.
13. *Умнова И. А., Алешикова И. А.* Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики. — М. : РГУП, 2015. — 184 с.
14. *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T.* Does the Process of Constitution-Making Matter? // Comparative Constitutional design / Ed. by T. Ginsburg. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. — P. 31—65.

15. Comparative Constitutional design / Ed. by T. Ginsburg. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. — 569 p.
16. European constitutionalism beyond the state / J. H. H. Weiler, M. Wind (eds). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. — 325 p.
17. Garlicki L. «Constitutional Values» and the Strasbourg Court // Acta Societatis Martensis. — 2009/2010. — P. 13—21.
18. Halberstam D. Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world // The Worlds of European Constitutionalism. — P. 150—202.
19. Kumm M. The best of time and the worst of time: between constitutional triumphalism and nostalgia // The Twilight of Constitutionalism? / Ed. P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford University Press, 2010. — P. 198—212.
20. Kumm M., Lang A. F. jr., Tully J., Wiener A. How large is the world of global constitutionalism? // Global Constitutionalism. — Cambridge, 2014. — Vol. 3. — № 1. — P. 1—8.
21. Loughlin M. What is Constitutionalisation? // The Twilight of Constitutionalism? / Ed. P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford University Press, 2010. — P. 52—73.
22. Peerenboom R. Social Foundations of China's Living Constitution // Comparative Constitutional design / Ed. by T. Ginsburg. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. — P. 157—169.
23. Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — 234 p.
24. Taming Globalization: International law, the U.S. Constitution, and the New World Order. — Oxford University, 2012. — 272 p.
25. The Twilight of Constitutionalism? / Ed. P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford University Press, 2010. — 345 p.
26. The worlds of European constitutionalism / Ed. by G. de Búrca, J. H. H. Weiler. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. — 364 p.
27. Transnational constitutionalism / N. Tsagourias (ed). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. — 276 p.
28. Walker N. The place of European law // The worlds of European constitutionalism / Ed. by G. de Búrca, J. H. H. Weiler. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. — P. 75—93.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2018 г.

THE 1993 CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONSTITUTIONAL IDEAL EVALUATION AND ITS IMPLEMENTATION IN LIGHT OF INTERNATIONAL EXPERIENCE

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina Anatolevna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Legal Studies of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Constitutional Law named after N.V. Vitruk
iaumnova@mail.ru
117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushinskaya, d. 69

Abstract. *The paper carries out evaluation of the relevance of a liberal-democratic idea enshrined in the 1993 Constitution, constitutional goals and values and their compliance with the needs of a modern society on the basis of a 25-year-long operation of the Constitution. The author compares the “constitutional ideal” enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the reality. Evaluation is carried out in light of the international experience of constitutional development. It is noted that the value and authority of the Constitution suffer erosion under the influence of numerous objective and subjective factors due to the influence of which a significant gap between the ideal enshrined in the Constitution and the reality emerges, and the ideal itself is questioned. Trends are considered in sequence: 1) formation of constitutional axiology, humanization and socialization of constitutions, expansion of constitutional morality; 2) emergence of new doctrines of the constitutional ideal based on the constitutional compromise under the conditions of crisis of liberal-democratic and other constitutional doctrines; 3) emergence of global constitutionalism which changes the scope of constitution authority, intensifies international interventions in the constitutional design and forms universal constitutional standards. On the example of the Russian Federation, the paper highlights positive and negative consequences of the Soviet socialist state system transformation into the liberal-democratic constitutional system. The author focuses on the problem of legitimacy of the 1993 Constitution of the Russian Federation in the context of optimization of constitutional design that depends on the level of publicity of constitutional procedures. It is*

suggested that further discussion of the problems of legitimacy of the Constitution of the Russian Federation makes no sense. Otherwise, the legitimacy of the entire RF system of legislation adopted on its basis is challenged. Also, it is important to take into account application of forms and procedures of civil consent with regard to the adoption of the Constitution of the Russian Federation as reflected in the work of the Constitutional Conference, the Agreement on Public Consent and the nation-wide Referendum.

Assessing the prospects of constitutional development, the author argues that under modern threats and challenges to humanity there is an objective need to review certain constitutional and other legal standards set out in national and international law. The author proposes to apply this approach to the constitutional regulation and constitutional studies and to call it constitutional futuristic; and the doctrine forming the constitutional ideal of the future should be called constitutional futurism. The constitutional ideal determination is based on examination of the level of Constitution implementation, which appears to be measured by three main indicators: constitutional congruence, effectiveness and objectivity of constitutional provisions. The main task of the constitutional futuristic is to identify, based on the assessment of the level of implementation of the current Constitution, the potential of constitutional development aimed at improving the constitutional order. The content of this potential during the recent period should be associated with the search for fundamentally new standards of life leading to a qualitatively different level of development of a human civilization. This approach predetermines the new structuring of constitutions and, accordingly, the branch of constitutional law, the result of which will be the transformation of constitutional law of survival into its highest type, namely, constitutional law of life based on the constitutional ideal.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, modern constitutions, constitutional goals and values, constitutional ideal, constitutional axiology, constitutional morality, humanization and socialization of constitutions, liberal-democratic doctrine of the Constitution of the Russian Federation, doctrines of constitutional compromise, constitutional design, constitutional procedures, legitimacy of constitutions, legitimacy of the Constitution of the Russian Federation, global constitutionalism, new constitutional standards, constitutional futuristic, constitutional futurism, constitutional congruence, constitutional effectiveness, constitutional objectivity, sub-branches of Constitutional Law.

REFERENCES

1. Aleksandrova L. Pochemu kommunisty ne khotyat podpisivat dogovor [Why the Communists do not want to sign the Treaty]. *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. 27 Apr. (In Rus.)
2. Belkin A. A. Konstitutsionnaya okhrana: tri napravleniya rossiyskoy ideologii i praktiki [Constitutional protection: three directions of Russian ideology and practice]. St. Petersburg. Petropolis Publ., 1995. 142 p. (In Rus.)
3. Bondar N. S. Rossiyskoe konstitutsionnoe pravo v tsennostnom izmerenii: kak pravovoy otrasli, yuridicheskoy nauki, uchebnoy distsipliny [Russian Constitutional Law in Axiological Dimension: As a branch of law, legal science, academic subject]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 2013. No. 11, P. 4—13. (In Rus.)
4. Gadzhiev G. A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti) : monografiya [Ontology of law (a critical study of the legal concept of validity): A monograph. Moscow, Norma; Infra-M Publ., 2013. 320 p. (In Rus.)
5. Zorkin V. D Tsennostnyy podkhod v konstitutsionnom regulirovanii prav i svobod [An axiological approach in the constitutional regulation of rights and freedoms]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2008. No. 12, pp. 3—14. (In Rus.)
6. Kruss V. I. Rossiyskaya konstitutsionnaya aksiologiya: aktualnost i perspektivy [Russian constitutional axiology: actuality and prospects]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2007. No. 2, pp. 7—14. (In Rus.)
7. Presnyakov M. V. Konstitutsionnaya kontseptsiya printsipa spravedlivosti [A constitutional concept of the principle of justice]. Moscow. Press Publ., 2009. 397 p. (In Rus.)
8. Presnyakov M. V. Spravedlivost v sisteme konstitutsionno-pravovykh tsennostey [Justice in the system of constitutional and legal values]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2009, No. 16, P. 6—12.

9. Taeva N. E. Normy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii kak forma vyrazheniya sotsialnykh tsennostey [Norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expression of social values]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*, 2009. No. 5, P. 2—4.
10. Umnova (Konyukhova) I. A. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury : v 2 t. [Constitutional Law of the Russian Federation: A Textbook and Study Guide for Bachelor's and Master's Students : in 2 vol.]. Moscow. Yurait Publ., 2015. Vol. 1. 391 p. (In Rus.)
11. Umnova I. A. O sovremennom ponimanii konstitutsii rossiyskoy federatsii v kontekste doktrin konstitutsionalizma i sudebnoy pravoprimeritelnoy praktiki [Modern understanding of the Constitution of the Russian Federation in the context of doctrines of constitutionalism and judicial law enforcement practice]. 2014. No. 11. P. 18- 26. (In Rus.)
12. Umnova I. A. Sovremennye kontseptsii prav cheloveka v mezhdunarodno-pravovom i konstitutsionnom izmereniyakh [Modern concepts of human rights in the international legal and constitutional dimensions]. *The Ombudsman*, 2012, No. 2, P. 7—11. (In Rus.)
13. Umnova I. A., Aleshkova I. A. Primenenie konstitutsii rossiyskoy federatsii sudami obshchey yurisdiktsii: aktualnye voprosy teorii i praktiki [Application of the Constitution of the Russian Federation by courts of general jurisdiction: topical issues of theory and practice]. Moscow. RSUJ Publishing House, 2015. 184 p. (In Rus.)
14. Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T. Does the Process of Constitution-Making Matter? Comparative Constitutional design. Ed. by T. Ginsburg. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2013. P. 31—65.
15. Comparative Constitutional design. Ed. by T. Ginsburg. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2013. 569 p.
16. European constitutionalism beyond the state. J. H. H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 325 p.
17. Garlicki L. "Constitutional Values" and the Strasbourg Court. *Acta Societatis Martensis*. 2009/2010. P. 13 — 21.
18. Halberstam D. Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world. *The Worlds of European Constitutionalism*. P. 150—202.
19. Kumm M. The best of time and the worst of time: between constitutional triumphalism and nostalgia. *The Twilight of Constitutionalism?* Ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford University Press, 2010. P. 198—212.
20. Kumm M., Lang A. F. jr., Tully J., Wiener A. How great is the world of global constitutionalism? *Global Constitutionalism*. Camdridge, 2014. Vol. 3. No. 1. P. 1 — 8.
21. Loughlin M. What is Constitutionalisation? *The Twilight of Constitutionalism?* Ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford University Press, 2010. P. 52—73.
22. Peerenboom R. Social Foundations of China's Living Constitution. *Comparative Constitutional design*. Ed. by T. Ginsberg. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2013. P. 157—169. *Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government*. J. Dunoff, J. Tractson (ed). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 234 p.
23. *Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government* / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — 234 p.
24. *Taming Globalization: International law, the U.S. Constitution, and the New World Order*. — Oxford University, 2012. 272 p.
25. *The Twilight of Constitutionalism?* Ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford University Press, 2010. 345 p.
26. *The worlds of European constitutionalism*. Ed. by G. de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012. 364 p.
27. *Transnational constitutionalism*. N. Tsagourias (ed). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 276 p.
28. Walker N. The place of European law. *The worlds of European constitutionalism*. Ed. by G. de Búrca, J. H. H. Weiler. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. P. 75—93.